

На правах рукописи

БЕЛЯЕВА Виктория Михайловна

СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ
В УСЛОВИЯХ УЧЕБНОГО БИЛИНГВИЗМА

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Тверь 2015

Работа выполнена на кафедре английского языка ФБГОУ ВО «Тверской государственной университет».

Научный руководитель –

Золотова Наталья Октябревна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории языка и перевода ФБГОУ ВО «Тверской государственной университет».

Официальные оппоненты:

Чугунова Светлана Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения ФГБУ ВПО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Корниевская Светлана Игоревна – кандидат филологических наук, преподаватель ООО «Дельта-интерконтакт», г. Тверь.

Ведущая организация –

ФГБУ ВПО «Уфимский государственный авиационный технический университет».

Защита состоится « ____ » _____ 2015 г. в ____ час. ____ мин. на заседании диссертационного совета Д 212.263.03 в Тверском государственном университете по адресу: Россия, г. Тверь, ул. Желябова, 33, ауд. 206.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского государственного университета по адресу: Россия, г. Тверь, ул. Володарского, 44.

Отзывы можно направлять по адресу: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33, учёному секретарю диссовета Д 212.263.03.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2015 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета Д 212.263.03
кандидат филологических наук, доцент

М.В. Оборина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационная работа посвящена изучению стратегий, которыми пользуются носители учебного билингвизма при встрече с неоднозначным словом. Неоднозначность как свойство, присущее человеческому мышлению, а также одна из главных особенностей восприятия человеком окружающего мира, отмечалась учёными с древних времён. Проблеме неоднозначности посвящены многочисленные труды, рассматривающие это понятие с различных точек зрения и на разнообразном материале. Авторы высказывают свои предположения о возможностях классификации видов неоднозначности [Апресян 1971; Виноградов 1977; Драгой 2006; Зализняк 2004; Лицзюнь, Ичжи [http](#)], рассматривают неоднозначность как средство создания юмористического эффекта и рекламный приём [Бревдо 1999; Буряков [http](#); Зализняк 2003; Крылова [http](#)]. Для некоторых исследователей актуальным оказывается «автоматическое разрешение» неоднозначности в процессе машинного перевода [Будагов 1983; Lesk 1986], в то время как другие авторы сосредоточены на восприятии неоднозначного слова «обычным» человеком [Иомдин 2014; Пумпянский 1983; Caramazza, Grober 1976; Сума [http](#); Nunberg 1979; Schvaneveldt 1976; Simpson 1981; Simpson, Burgess 1985; Van Petten [http](#)].

В работе фигурируют два ключевых понятия – «неоднозначность» и «многозначность». Понятие неоднозначности является более широким и анализируется на разных уровнях языка: морфем, слов, предложений и текста. Соотношение понятий неоднозначности и многозначности может рассматриваться с точки зрения «принципа причинно-следственной связи»: неоднозначность предшествует оценке языковой единицы, а многозначность является конкретным результатом понимания. Видами лексической неоднозначности являются многозначность и омонимия. В свою очередь термины «многозначность» и «полисемия» в контексте настоящего исследования выступают в качестве синонимов.

В центре внимания предпринятого исследования – неоднозначное слово, под которым понимается лексема, имеющая более чем одно значение. Необходимо уточнить, что речь идёт о неоднозначном слове иностранного языка (далее – ИЯ), при работе с которым у носителя учебного билингвизма возникает проблема выбора «нужного» значения, способствующего адекватному пониманию текста.

Сделана попытка не только выявить особенности восприятия неоднозначного слова ИЯ, но и выяснить, каким образом наличие неоднозначного слова влияет на понимание текста, а также какими стратегиями пользуются испытуемые (далее – Ии.), носители учебного билингвизма, для преодоления лексической неоднозначности. Рассматриваются примеры как лексической многозначности (полисемии), так и омонимии. Мы придерживаемся семантического способа разграничения этих двух понятий,

описанного в обзоре [Лицзюнь, Ичжи <http>], согласно которому при наличии семантической связи между значениями слова мы говорим о лексико-семантических вариантах (ЛСВ) одного и того же слова, а при её отсутствии – о случае омонимии.

Актуальность исследования обусловлена: 1) востребованностью научных изысканий в области учебного билингвизма, связанных с совершенствованием методов обучения иностранным языкам, нацеленных на формирование базы для полноценного понимания иноязычных текстов, 2) важностью для решения задач, связанных с совершенствованием программ машинного перевода. Предлагаемый в диссертации ракурс проблемы являются малоизученным, полученные результаты дают возможность моделировать процессы, происходящие в ходе идентификации человеком неоднозначного иноязычного слова.

Объектом исследования выступает процесс идентификации неоднозначного слова, предметом – то, каким образом осуществляется доступ к значениям неоднозначного слова, т.е. стратегии и опоры, используемые Ии. в процессе доступа к значениям неоднозначного слова.

Целью диссертационного исследования является разработка модели процесса идентификации неоднозначного англоязычного слова с учётом особенностей его восприятия учебными билингвами, с фокусированием на стратегиях и опорах, используемых в процессе доступа к значениям неоднозначного слова.

В соответствии с общей целью работы в исследовании решаются следующие конкретные задачи:

- обобщение опыта исследований по проблеме неоднозначности в разных сферах гуманитарного знания;
- описание природы неоднозначности и различных её проявлений как феномена восприятия окружающего мира;
- рассмотрение моделей хранения неоднозначного слова и доступа к нему в ментальном лексиконе;
- выявление роли контекста в процессе опознания неоднозначного слова человеком;
- обсуждение факторов, влияющих на преодоление неоднозначности носителем учебного билингвизма при встрече с иноязычным словом;
- организация и проведение экспериментального исследования процесса идентификации неоднозначного иноязычного слова изолированно и в контексте;
- сопоставительный анализ результатов, полученных в различных группах Ии. на разных этапах исследования, с последующим выделением системы приоритетов в зависимости от характера заданий и условий эксперимента;
- выявление стратегий и опор, которыми пользовались Ии. при идентификации неоднозначного иноязычного слова;
- проведение вертикального и горизонтального анализа бланков ответов, полученных от Ии., выводы об особенностях восприятия неоднозначных иноязычных слов;

- увязывание выявленных особенностей с фактором влияния контекста;
- моделирование стратегической природы преодоления неоднозначности носителем учебного билингвизма.

Теоретической базой диссертационного исследования послужили труды отечественных и зарубежных исследователей, занимающихся проблемой неоднозначности как свойства человеческого мышления и основы жизнедеятельности (Е.С. Вентцель, А.В. Карпов, Е.А. Сергиенко, Е.С. Давиташвили, А.П. Чернявская, Е.Л. Боярская, А. Caramazza, E. Grober, R. Schvaneveldt, D. Meyer, C. Becker, D. Sperber, D. Wilson и др.) и как языкового феномена (Ю.Д. Апресян, С.Д. Кацнельсон, Л.В. Щерба, А.А. Потебня, А.Л. Пумпянский, А.А. Зализняк, В.В. Акуленко, К.Г. Готлиб, Б.Л. Иомдин, J. Aitchinson, A. Schwartz, L. Yeh, M. Shaw, V. Cyma, N. Ide, J. Veronis, C.C. Lin, K. Ahrens, G. Nunberg, G. Oden, J. Spira, G. Simpson, C. Burgess и др.).

Проведённое исследование базируется на основных положениях психолингвистической теории слова как достояния человека и концепции внутреннего контекста, разработанных А.А. Залевской [2005]. Вслед за А.А. Залевской под *идентификацией* понимается весь набор психических процессов, продуктом которых является субъективное переживание знания (понимания) того, о чём идёт речь, готовность оперировать этим знанием с учётом разностороннего предшествующего опыта и эмоционально-оценочных нюансов, при постоянном взаимодействии осознаваемого и неосознаваемого, вербализуемого и не поддающегося вербализации [Залевская 1990, 1992, 1999].

В работе используются результаты исследований представителей Тверской психолингвистической школы и их последователей, посвященные изучению механизмов идентификации слова, включая неоднозначное, на различном материале, в том числе с привлечением двуязычных индивидов (Т.Ю. Сазонова, И.Л. Медведева, Т.М. Рогожникова, С.И. Тогоева, И.В. Новикова, Ю.В. Федурко, Н.М. Ткаченко, И.Ф. Бревдо, И.В. Воскресенский, С.И. Корниевская) и данные экспериментов, целью которых было установление особенностей доступа к значениям неоднозначных слов [Cyma [http](#); Ferreira, Christianson, Hollingsworth 2001; Grainger, Jacobs, Segui 1989; Schvaneveldt, Meyer, Becker 1976; Swinney 1979; Ungerer, Schmid 1996; Van Petten [http](#); Zwaan, Madden 2006] и эксперименты зарубежных авторов [Caramazza, Grober 1976; Hank 2013; Ide, Veronis 1998; Johnson 1987; Lin, Ahrens 2005].

На становление позиции автора также оказали влияние работы Н.О. Золотовой, связанные с изучением специфики единиц ядра ментального лексикона [Золотова 2005 и др.] и междисциплинарное исследование ментального лексикона В.Г. Арутюняна [2014].

Гипотеза исследования строится на предположении о том, что на выбор значения неоднозначного слова ИЯ влияют такие факторы, как субъективная частотность значения неоднозначного слова, переживаемая индивидом как «знакомость» («word familiarity» [Toglia, Battig 1978], «functional identifiability» [Schwartz, Yeh [http](#)]), а также наличие или отсутствие контекста. Контекст может как облегчать, так и затруднять процесс выбора значения неоднозначного слова в зависимости от взаимодействия внешних и внутренних

факторов. Другими словами, роль контекста можно охарактеризовать как двойственную: способствуя выбору «нужного» значения неоднозначного слова ИЯ, контекст обеспечивает понимание, в то же время в ряде случаев он может оказаться дезориентирующим и препятствовать адекватному пониманию. Для верификации сформулированной гипотезы был организован и проведен двухэтапный психолингвистический эксперимент.

В качестве методов исследования использовались: методы наблюдения, сравнения, анализа и синтеза, психолингвистический эксперимент с привлечением методик свободного ассоциирования, субъективного дефинирования и методики заканчивания предложений (sentence completion), перевод на родной язык, количественная и качественная обработка экспериментальных данных с последующим сопоставительным анализом результатов всех этапов экспериментов и обобщение теоретических и экспериментальных данных, метод моделирования.

Материал исследования составил корпус из 6450 ответов Ии. на предъявленные в эксперименте стимулы – английские существительные, имеющие более одного значения. В исследуемый корпус вошли: 1850 субъективных дефиниций, 1200 переводов предложений, содержащих неоднозначное слово, 2400 свободных ассоциаций, 1000 продолжений предложений. Бланки с инструкциями для Ии., принявших участие в двухэтапном эксперименте (далее – Э1 и Э2) представлены в Приложениях к диссертации.

В результате проведенного исследования сформулированы и выносятся на защиту следующие положения.

1. На процесс идентификации неоднозначного слова ИЯ влияет не только текущая информация (в частности наличие или отсутствие контекста), но и представления и ассоциации, связанные с данным словом, хранящиеся в памяти индивида.

2. Роль контекста при выборе того или иного значения неоднозначного слова ИЯ является амбивалентной. Контекст облегчает доступ к «нужному» значению слова только в том случае, когда он является однозначным и не предполагает множественности интерпретаций. В ряде случаев возможно пренебрежение контекстом в пользу значения слова, которое является субъективно наиболее частотным для Ии. Иногда И. может полностью пренебречь графической формой слова и, поддавшись влиянию контекста, перевести исследуемое неоднозначное слово с помощью значений другого слова, которое, в силу его субъективной оценки, в большей степени соотносится с описываемой в предложении ситуацией. Таким образом, И. «подстраивает» свое понимание под то значение, которое, по его мнению, является наиболее подходящим, даже если контекст однозначен.

3. В тех случаях, когда контекст отсутствует или не является однозначным, ведущими факторами являются субъективная частотность значения слова, связанная с его «знакомостью» для И., который находится под влиянием учебной языковой среды, в частности отбора и поэтапного предъявления иноязычной лексики, предназначенной для усвоения.

4. Актуальным для И. является графическая форма слова и возможность её соотнесения со знаниями, имеющимися в ментальном лексиконе. В случае сбоя в понимании осуществляется доступ к значениям слова, визуальное напоминающее слово-стимул, с последующим построением семантического поля и системы связей и ассоциаций.

5. Стратегическая природа процессов идентификации неоднозначных слов в ситуации учебного двуязычия в условиях отсутствия контекста или при предъявлении слова в неоднозначном контексте проявляется в следующих видах стратегий: 1) стратегия с опорой на перевод слова; 2) стратегия с опорой на форму или графический образ слова; 3) стратегия с опорой на ситуацию, соотнесение значений слов с внутренним контекстом Ии.; 4) стратегия с опорой на визуализацию стимула, выделение общего признака предмета (формы, размера и т.д.), путь обработки информации «сверху-вниз», от общего к частному; 5) стратегия обобщения значения слова-стимула, путь «снизу-вверх», от частного к общему; 6) эмоционально-оценочная стратегия; 7) стратегия с опорой на знания из других дисциплин; 8) стратегия опоры на идиоматические выражения и устойчивые словосочетания.

Научная новизна исследования определяется тем, что: 1) проблема неоднозначного слова ИЯ впервые изучается на основе языковых фактов, полученных от самих субъектов обучения в ситуации учебного билингвизма; 2) выявлен амбивалентный характер контекста как фактора, влияющего на опознание неоднозначного иноязычного слова; 3) полученные экспериментальные данные позволяют по-новому взглянуть на существующие модели восприятия и распознавания слова.

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена определённым вкладом в психолингвистическую концепцию ментального лексикона, углубляя представления об устройстве ментального лексикона двуязычного индивида благодаря: установлению амбивалентной (ориентирующей и дезориентирующей) роли контекста процессе опознания неоднозначного слова; выявлению набора стратегий и опор, которыми пользуется И. при поиске значения неоднозначного слова в ментальном лексиконе; выявлению значимости субъективной частотности значения неоднозначного слова как фактора, влияющего на доступ к нему.

Практическая значимость результатов проведённого исследования обусловлена возможностью их применения для решения ряда психолингвистических и психолингводидактических задач, а также для разработки наиболее эффективных методов обучения иноязычной лексике. Основные выводы и результаты работы могут быть использованы в спецкурсах и курсах лекций по проблемам психолингвистики, методике преподавания иностранных языков, на практических занятиях по культуре речевого общения и перевода. Полученные данные об особенностях восприятия неоднозначных слов и хранения их значений в ментальном лексиконе имеют определённую ценность для современной лексикографии, а также являются актуальными в связи с проблемой автоматического разрешения лексической неоднозначности и совершенствования машинного перевода.

Апробация результатов исследования осуществлена в рамках международных научно-практических конференций «Языковой дискурс в социальной практике» (г. Тверь, 5–6 апреля 2013 г. и 3–4 апреля 2015 г.) с последующей публикацией материалов, а также на заседаниях кафедры английского языка Тверского государственного университета. По теме диссертационного исследования опубликовано 9 статей общим объёмом 3.1 п.л., 4 из которых – в изданиях, включённых в перечень рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК МОН РФ.

Цели и задачи определили структуру работы: помимо введения, текст диссертации состоит из трёх глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* определяются объект и предмет исследования, обосновываются его теоретическая и практическая значимость, актуальность и научная новизна, формулируются цель и задачи исследования, а также положения, выносимые на защиту.

В *главе I* «Феномен неоднозначности: природа и история изучения» обсуждаются трактовки понятия *неоднозначность* в разных науках, а также соотношение неоднозначности и неопределённости. Здесь же рассматривается классификация видов языковой неоднозначности, в частности лексическая неоднозначность и многозначность, уделяется внимание вопросам разграничения полисемии и омонимии. Обсуждаются проблемы, связанные с феноменом лексической неоднозначности, с которыми сталкиваются в контексте создания искусственного интеллекта (автоматическое разрешение лексической неоднозначности), и возникающие в процессе перевода («ложные друзья» переводчика).

Неоднозначность – явление, присущее многим сферам человеческой жизни, в связи с чем данное понятие выступает одним из ключевых во многих гуманитарных науках: философии, социологии, экономики, психологии, юриспруденции и других. Феномен неоднозначности привлекал внимание учёных с давних времён и рассматривался в тесной связи с многозначностью, свойственной человеческому языку и мышлению. Осознание языковой многозначности уже присуще древним народам, в том числе и древним грекам. Постулат Аристотеля гласит: «поскольку количество слов – ограничено, а число вещей (предметов) – не ограничено, неизбежно, что одно и то же слово наделено многими значениями» [Аристотель 1976: 123]. В постулате Аристотеля содержится суть философского подхода к неоднозначности. Многие основные понятия философии также являются неоднозначными. К таковым критики причисляют, например, понятие «парадигма» в философии Томаса Куна, которое реализуется в его концепции более чем в десяти разных значениях: «наиболее общая картина рационального устройства природы, мировоззрение»; «дисциплинарная матрица, характеризующая совокупность убеждений, ценностей, технических средств и т. д., которые объединяют

специалистов в данное научное сообщество», и многие другие [Словарь Академик <http>].

Анализ словарных дефиниций англоязычных и русскоязычных лексикографических источников [Апресян 1995; Жуков, Жуков 2003; Карпов 2000; Collins <http>; Lexicon of Linguistics <http>; MacMillan Dictionary <http>; Multi-Lingual Dictionary <http>; Oxford English Dictionary <http>; Oxford American Dictionary <http> и др.] позволяет выделить такие свойства данного явления, как *диффузность*, *расплывчатость смысла или значения*, *неопределённость*, *неясность*, *неточность*, *двусмысленность*. В английском языке помимо лексемы *ambiguity* неоднозначность соотносится с такими лексемами, как *doubtfulness*, *uncertainty*, *vagueness*, *inexactness*, *puzzle*, *equivocation*, *enigma*. В обоих языках *неоднозначность/ ambiguity* в основном своём значении выступает как *способность быть открытым к множественным интерпретациям*.

В лингвистике неоднозначность рассматривается на всех уровнях языка. Анализируя противоречивые высказывания лингвистов о разграничении таких терминов, как «неоднозначность» и «многозначность», мы пришли к выводу, что неоднозначность является более широким понятием. Под многозначностью в рассматриваемой работе понимается неоднозначность исключительно на уровне лексем, причём только случаи полисемии. Мы считаем, что термины «полисемия» и «многозначность» являются синонимами. Соотношение неоднозначности, многозначности, омонимии и полисемии представлено на рис. 1.

Рис. 1

В истории науки известны попытки «борьбы» с неоднозначностью как отрицательным явлением. Сторонники классической логики, в основе которой лежит принцип двужначности, стремились подчинить язык и мышление этому принципу, в соответствии с которым соотношение между звучанием и значением, между написанием и звучанием должно носить симметричный

характер. Наличие таких видов неоднозначности, как омофония и омография, нарушают, по мнению «сторонников однозначности», природную гармонию мира.

Проблема лексической неоднозначности является актуальной в связи с проблемой создания искусственного интеллекта и усовершенствования машинного перевода. В свое время А.Л. Пумпянский предупреждал, что неоднозначность является фактором, неподвластным искусственному интеллекту [Пумпянский 1983: 125]. Учёные стремятся создать механизм, позволяющий получить адекватный автоматический перевод, качество которого не уступало бы и даже (в лучшем случае) превышало бы уровень перевода, сделанный человеком. Эта проблема, однако, до сих пор остаётся нерешённой, поскольку машина не в силах учесть окружение неоднозначного слова – контекст. Принцип автоматического отбора значения слова основан исключительно на частотности значения слова. Некоторые учёные пытались решить проблему лексической неоднозначности с помощью создания таких искусственных языков, как токипона, ложбан и логлан и другие, каждому слову в которых соответствовало бы только одно значение. Однако данный метод также не получил одобрения и не был признан достаточно успешным.

Одним из ярких проявлений лексической неоднозначности является феномен, который фигурирует в научной литературе под терминологическим обозначением «ложные друзья переводчика». Этот термин обозначает проблему, с которой встречаются переводчики и носители учебного билингвизма при встрече с псевдоинтернациональными лексемами в текстах на иностранном языке. «Ложность» так называемых «друзей» – иноязычных слов, похожих по форме на слова родного языка, но не совпадающих по значению, – отражает дезориентирующую сущность этого явления, в основе которого лежит лексическая неоднозначность. В работе обсуждаются разновидности данного межъязыкового феномена с опорой на исследования разных авторов [Акуленко 1979; Готлиб 1972; Муравьев 1985].

Специальное внимание в главе уделяется психолингвистическому подходу к анализу языковых явлений, так или иначе, связанных с проявлением неоднозначности на уровне слова. Обсуждается «прогностический характер» восприятия неоднозначности. Слушая или читая, человек прогнозирует некоторые события, стоящие за устным или письменным текстом, предопределяет лексику как средство описания этого события, прогнозирует грамматические формы лексических единиц и целостные структуры. Для определения этого явления И.М. Фейгенберг ввел понятие «вероятностное прогнозирование – предвосхищение будущего, основанное на вероятностной структуре прошлого опыта и информации о наличной ситуации или иными словами – действия или операции при приеме информации, заключающиеся в предугадывании слов или словосочетаний» [Психологический словарь «Планея» [http](http://)]. Опираясь на вербальный контекст, человек, воспринимающий текст, содержащий неоднозначное слово, строит прогноз относительно его значения. В случае если он не совпадает с действительностью, возникает так называемый «эффект обманутого ожидания» – ситуация, при которой «суть

высказывания оказывается совершенно неожиданной и весьма далекой от прогнозируемого» [Сазонова, Умеренкова [http](#)]. Данное явление рассматривается в работах [Бревдо 1999; Буряков [http](#); Воскресенский [http](#); Золотарёва [http](#); Рева [http](#)]. Под обманутым ожиданием в этом случае понимается «вариативность развития ситуации, т.е. возможность развития нескольких сценариев продолжения ситуации», а термин «ситуация» подразумевает «абстрактный информирующий комплекс, включающий в себя то, что описывается, а также то, о чем повествуется и рассуждается» [Воскресенский [http](#)].

В главе 2 «Неоднозначное слово в ментальном лексиконе человека» обсуждаются проблемы хранения, доступа, выбора и извлечения значения неоднозначного слова в ментальном лексиконе. Отмечается, что до недавнего времени общепринятой стратегией исследования лексического доступа и распознавания слова как начальных этапов идентификации было использование, по крайней мере, двух классических парадигм: принятие лексического решения (*lexical decision*) и называние слова (*lexical naming*) с последующим сравнением результатов [Сазонова [http](#)]. Процесс доступа к слову в ментальном лексиконе является предметом исследований, нацеленных на изучение проблемы снятия лексической неоднозначности носителем языка, и трактуется в таких терминах, как: *lexical encoding*, *lexical access*, *lexical retrieval*, *lexicalization*, *lexical choice*. Анализируя исследования лексического доступа в контексте истории вопроса, Дж. Филд выделяет три различные традиции: модульную или автономную (путь обработки информации «снизу вверх»), приоритет контекстной информации (путь «сверху вниз») и теорию распространяющейся активации, которая предполагает, что на протяжении всего процесса обработки задействуются оба источника данных [Филд 2012]. Согласно первой модели, каждый уровень, на котором происходит обработка языковой информации, функционирует независимо от других уровней. Иными словами, на каждом уровне достигается конечный результат обработки, который передаётся на более высокий уровень, т.е. сначала последовательность звуков распознается исключительно на уровне фонем и только после окончания обработки передается на следующий уровень – лексический и так далее. Эта модель соответствует метафоре обработки информации «снизу вверх». Однако в действительности всё намного сложнее. Так, некоторые авторы утверждают, что обработка минует уровень фонем, сразу переходя на уровень слогов. Альтернативная теория рассматривает обработку языковой информации как интерактивный процесс, что, по меньшей мере, подразумевает, что информация на одном уровне может непосредственно влиять на обработку информации на соседнем уровне, как более высоком, так и более низком.

Данные об успешности этих моделей противоречивы. Некоторые авторы полагают, что путь «сверху вниз» используется только для проверки информации, обрабатываемой на пути «снизу вверх», другие утверждают приоритет обработки «снизу вверх», считая, что контекстная информация вовлекается только при получении достаточных данных снизу [Филд 2012: 130–158].

Особое внимание в главе уделяется обсуждению роли контекста в процессе преодоления лексической неоднозначности. Понятие «контекст» является центральным не только для языковедческих наук, но и ряда других гуманитарных направлений, таких как социальная антропология, психология личности, когнитивная психология, психо- и когнитивная лингвистика и т.п. Для целей нашего исследования особый интерес представляет проблема зависимости/независимости слова от контекста. В реферируемом исследовании различается внешний контекст – традиционный вербальный или ситуативный контекст и внутренний контекст как ментальное образование, который определяется А.А. Залевской как продукт «многогранной деятельности индивида, протекающей на уровне неосознаваемых процессов при постоянном взаимодействии перцептивного и когнитивного, когнитивного и аффективного, вербального и невербального, континуального и дискретного, как и многих других аспектов психической жизни активного и пристрастного субъекта» [Залевская 1992: 89].

Говоря о приоритете контекстной информации, стоит упомянуть так называемые «эффекты контекста» (*context effects*), которые, так или иначе, наблюдаются во всех экспериментах на снятие неоднозначности [Oden 1983; Schvaneveldt, Meyer, Becker 1976; Simpson 1985; Swinney 1979]. Мы придерживаемся модели последовательного доступа к ментальному лексикону, которая предполагает, что если контекст предложения указывает на более частотное, основное значение слова, остальные значения, хранящиеся в ментальном лексиконе, могут быть неактивными. Если же в контексте представлено менее частотное, второстепенное значение многозначной лексической единицы, активированы могут быть все известные значения [Филд 2012: 71].

Другим фактором, влияющим на процесс идентификации слова, является частотность – параметр, характеристику слова, которая указывает количество употреблений лексической единицы в совокупности текстов, представительных либо для языка в целом, либо для отдельного функционального стиля, либо для одного автора [Словарь Академик [http](http://)].

В работах [Золотова 2005; 2014; 2015 и др.] обсуждается связь частотности с известностью слова для носителя языка, с субъективным ощущением знакомости слова (*familiarity*), скоростью узнавания, разборчивостью (*intelligibility*), числом вызываемых ассоциаций (*associative value*), эмоциональной коннотацией (*affective connotation*), конкретностью значения, возрастом, в котором предположительно усваивается слово (*age of acquisition*), длиной слова и другими важными параметрами. Вслед за автором мы разграничиваем *частотность* как лексикостатистическую (лингвистическую) характеристику слова, зафиксированную в частотных словарях, и *субъективную оценку частоты встречаемости слов*, которую дают в психолингвистических экспериментах испытуемые – носители языка. Последняя характеристика коррелирует с тем, что в психолингвистических терминах обозначается как *familiarity* – узнаваемость (знакомость) значения слова для Ии.

Для целей нашего исследования наибольший интерес представляет не столько частотность самого неоднозначного слова ИЯ, сколько частотность его отдельных значений, которая варьируется в зависимости от того, встречалось ли учебному билингу то или иное значение в таком количестве контекстов, которое необходимо для запоминания или, по крайней мере, опознания его как знакомого. Речь, по нашему мнению, нужно вести о *субъективной частотности*, т.е. об интуитивном ощущении (переживании) значения слова как часто встречаемого в практике, а потому хорошо знакомого. В связи с этим на первый план выходит такое понятие, как идентифицируемость или опознаваемость неоднозначного слова (*functional identifiability*) в процессе выбора нужного значения [Schwartz, Yeh, Shaw: 311].

Факторы, влияющие на процесс опознавания слова ИЯ, зависят не только от степени выраженности лексических свойств, но и от того, *кто* воспринимает данное слово, насколько высок уровень его языковой компетентности, обширен ли его словарный запас. Сюда же относятся такие факторы, как образование, возраст, пол и так далее. Для того, чтобы выяснить, каким образом осуществляется доступ к значениям неоднозначного слова и что влияет на выбор того или иного значения в условиях наличия или отсутствия контекста, нами был проведён психолингвистический эксперимент.

В главе 3 «Экспериментальное исследование преодоления лексической неоднозначности носителями учебного билингвизма» описывается процедура экспериментального исследования, выявляющая особенности влияния таких факторов, как субъективная частотность слова и контекст, на процесс разрешения лексической неоднозначности. В задачи эксперимента входило выявление ориентирующей и дезориентирующей роли контекста в процессе идентификации неоднозначного слова ИЯ. В ходе Э1 Ии. предлагалось объяснить значения предъявленных слов-стимулов, а после этого перевести предложения, содержащие те же слова, предъявленные в однозначном контексте. В Э2 Ии. было дано задание записать ассоциации к словам-стимулам, а также закончить предложения, содержащие эти слова, выбрав контекст, в котором используется то значение слова, которое по итогам всех заданий оказалось для Ии. наиболее актуальным. Для объективности данных Э1 и Э2 проводились с интервалом в неделю.

В качестве Ии. выступили студенты 1–5 курсов факультета Иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, изучающие английский, немецкий и французский языки в качестве специальности, а также студенты магистратуры того же университета по направлению «Лингвистика», изучающие французский и английский языки как иностранные. Общее число Ии., принявших участие в Э1 составило 120 человек, в Э2 – 100 человек, все они могут рассматриваться как искусственные билингвы, знакомые в той или иной степени с элементами иноязычной культуры. По гендерному принципу анализ не проводился. Количественные характеристики проведённых экспериментов представлены в таблице (см. табл. 1).

Таблица 1

Номер эксперимента	Кол-во Ии.	Кол-во ответов	Кол-во отказов
№1	120	3050	568
№2	100	3400	169
		Общее кол-во реакций: 6450	

При отборе стимульного материала для предъявления Ии. – носителям учебного билингвизма, участвующим в психолингвистическом эксперименте, был учтён фактор частотности. Экспериментальный список включал 13 слов-стимулов, представлявших собой неоднозначные существительные на английском языке, которые были отобраны в результате анализа языковой практики студентов, а также статей форумов для изучающих иностранный язык. Двенадцать из тринадцати слов, представленных в эксперименте, входят в список первых 10000 самых частотных слов английского языка согласно спискам частотности английских слов [Frequency lists <http>]. Соответственно показателю частотности и количеству упоминаний на миллиард употреблений, интересующие нас слова можно отнести к условно выделенным зонам (см. табл. 2). К высокочастотным относятся слова *will*, *air*, *change* и *bill* (в диапазоне от 1 до 1500 места), к среднечастотным – *coat*, *credit*, *temple*, *band* и *ice* (в диапазоне от 1500 до 3500 места), к низкочастотным – *trunk*, *fan* и *fork* (в диапазоне от 3500 до 7000 места). Слово *monitor*, согласно данному источнику, не относится к списку первых 10000 самых частотных слов английского языка. Таким образом, данный стимул оказался вне пределов указанных зон.

Таблица 2

Слово	Частотность / кол-во упоминаний / слова на миллиард	Слово	Частотность / кол-во упоминаний / слова на миллиард
will	48 / 2320022	band	2089 / 39397.7
air	339 / 247480	ice	2096 / 39198.3
change	495 / 163514	trunk	3702 / 19374.8
bill	1152 / 69973.4	fan	6773 / 8450.89
coat	1558 / 52869.9	fork	6903 / 8219.88
credit	1677 / 49262.3	monitor	-
temple	2002 / 40926.1		

Принимая во внимание тот факт, что частотность может также рассматриваться в качестве «общего показателя культурной значимости» (А. Вежбицкая), нами предварительно были проанализированы данные о частотности значений слов-стимулов согласно словарям, предназначенным для изучающих английский язык, билингов, родной язык которых – русский: *Active English*, *Basic English*, *Cambridge Dictionaries Online*, *Intellect 25*, *Longman*

Communication 3000 new и 4300 слов [http]. В результате анализа полученных фактов было выяснено, что частотным в большинстве случаев является только одно значение: *ice* – ‘лёд’; *bill* – ‘счёт’, редко ‘клюв’; *air* – ‘воздух’; *coat* – ‘пиджак’, ‘пальто’; *fork* – ‘вилка’. В некоторых случаях значения многозначного слова являются примерно в равной степени частотными, например: *will* в значениях ‘воля’, ‘желание’, ‘завещание’; *band* в значениях ‘тесма’, ‘лента’, ‘музыкальная группа’.

На основе анализа данных, полученных в ходе Э1, было установлено, что при предъявлении стимулов вне контекста основными опорами для Ии. при доступе к неоднозначному слову в процессе идентификации являются:

- опора на перевод и прямую дефиницию слова (переводные и псевдопереводные реакции);

- звукобуквенный комплекс: сюда относятся как слова-кальки *monitor*, *credit*, *band*, так и слова, доступ к значениям которых не был осуществлён по причине их «схожести» со словами, являющимися для Ии. более актуальными, так называемые «графические соседи»: *well-will*, *pork-fork*; *coast-coat*, *drunk-truck-trunk*, *bell-Bill-bill*;

- опора на уже известную ситуацию, соотнесение со своим опытом и ранее полученными знаниями, эмоционально-оценочный компонент восприятия (*coat* – *накидка без подкладки (21 век – мода на пальто с кроссовками)*; *тепло*; *носят осенью или зимой, часто шьется из драпа/шерсти, длина варьируется от короткой до очень длинной*, *credit* – *финансовое рабство; одобрен; «сдано»*, *temple* – *часть лица, попасть в неё опасно для жизни*, *change* – *перемены в жизни (3)*; *изменения во внешности*, *fork* – *почти как ложка, только суп не поешь*);

- опора на устойчивые словосочетания и фразеологизмы: *credit* – «*кредит доверия*»; *credit card*, *temple – for god’s sake*; *bill* – “*Bill of rights*”;

- опора на визуализацию стимула: выделение общего признака, путь обработки информации «сверху-вниз» (*fork* – *вилка => вилы, трезубец, ответвление*) и «снизу-вверх» (*temple* – *храм => здание, место*).

При предъявлении стимулов в однозначном контексте основными факторами, влияющими на доступ к значениям слова, являются:

- внешний (письменный) контекст;

- субъективная частотность слова для Ии. как одно из проявлений внутреннего контекста;

- внешняя форма слова (в случае со словами-кальками, а также словами, имеющими «графических соседей»).

На этапе предоставления стимулов в однозначном контексте большая часть Ии. выбрала именно то значение слова, которое к нему подходило. Для 14 Ии. из 120 (12 %) определяющим фактором оказывалась субъективная частотность значения слова, которая способствовала тому, что Ии. «перестраивали» перевод всего предложения под то значение, которое оказалось для них наиболее актуальным.

К основным результатам Э2 следует отнести факт установления определяющей роли контекста, не предполагающего множественности

интерпретаций в преодолении лексической неоднозначности. У Ии. актуализировались некоторые значения слов, которые они не указывали ранее. Иными словами, предъявление слов в однозначном контексте поспособствовало тому, что на этапе ассоциативного эксперимента Ии. записывали ассоциации, относящиеся к новой лексико-семантической группе. Например, на первом этапе Э1 91% Ии. отнесли стимул FORK к категории «столовый прибор». После предъявления данного стимула в однозначном контексте в предложении *As the sun was rising they reached the fork in the road*, у Ии. было актуализировано ещё одно значение, не указанное ранее ни одним из Ии. – ‘развилка’. В ходе выполнения заданий по методикам ассоциативного эксперимента и продолжения предложений реакции к этому значению предоставили 20 и 33% Ии. соответственно. Однако в большинстве случаев главным фактором преодоления неоднозначности остаётся субъективная частотность значения слова для Ии. Для 93% Ии. значение неоднозначного слова, наиболее актуальное для них на начальном этапе эксперимента, осталось таковым даже после предъявления слова в однозначном контексте.

Говоря о псевдопереводных реакциях, предоставленных Ии. в ходе выполнения второго задания Э1 (перевод предложений) стоит отметить, что зачастую, не зная перевода слова, Ии. прибегали к так называемой «языковой догадке», которая была основана на языковом окружении слова, т.е. контексте. Данный факт подтверждается следующими примерами переводов предложений:

He put the revolver to his right temple. Варианты перевода: Он убрал/положил пистолет в карман (14); в кобуру (4); в держатель; убрал в сторону; положил на колено; переложил в правую руку (2).

As the sun was rising they reached the fork in the road. Варианты перевода: По мере того как поднималось солнце, они достигли места/пункта назначения (2); закуской (2); перепутья; кочки; автозаправки; конечной точки; пробки; половины пути; края.

Her gloves were new, and her fan, too, was new, but it was a common one. Варианты перевода: Её перчатки были новыми, и её вуаль; зонтик; шаль тоже...

По приведённым примерам видно, что доступ к значениям слова-стимула осуществлён не был, однако Ии. делали лексический выбор под влиянием личных впечатлений, образов и ассоциаций, связанных с данным словом и ситуаций встреч с ним. Аналогичное явление наблюдалось С.И. Корниевской в эксперименте с двуязычными испытуемыми, направленном на изучение механизма выбора слов при противоположном процессе – процессе продуцировании речи в ситуации учебного билингвизма [Корниевская 2012].

По итогам обоих экспериментов был сделан вывод, что стратегии, которыми пользуются Ии. в процессе доступа к значениям неоднозначного слова вне контекста и в неоднозначном контексте, имеют идентичный характер. При наличии однозначного контекста, не предполагающего множественности интерпретаций, подавляющее количество Ии. (88%) сразу выбрали то значение неоднозначного слова, которое реализовано в контексте, пренебрегая при этом другими, известными и даже наиболее актуальными (по итогам первого задания Э1) для Ии. значениями. Для 14 Ии. из 120 (12 %) определяющим фактором

оказывалась субъективная частотность значения слова, которая способствовала тому, что Ии. «перестраивали» перевод всего предложения под то значение, которое оказалось для них наиболее актуальным.

Также было установлено, что одним из проявлений влияния контекста на процесс доступа к значениям неоднозначного слова оказалась опора на грамматическую (синтаксическую), а также лексическую сочетаемость слов, к которой прибегали Ии. Так при переводе предложения *He looked at me with an air of importance*, многие Ии. не смогли дословно перевести слово *air*. Однако они указали следующие варианты перевода: *многозначительно (3); высокомерно; настороженно, внимательно; важно; с лёгким неуважением; с оттенком важности; с ощущением важности; со значением; с аурой важности; с напускной важностью; немного с нетерпением; как будто хотел сообщить что-то важное; с лёгкостью; со вздохом уважения*. Очевидно, что Ии. проанализировали окружение, в которое помещено неоднозначное слово *air* в значении ‘выражение лица, вид’ – в данном случае это глагол *look* с предлогом *at* в форме Past Simple. При наличии представленной конструкции предложения возможным является задать вопрос от первой части ко второй, в который содержится неоднозначное слово – *Он посмотрел на меня как?* На основе данного вопроса можно сделать вывод, что последующая часть предложения содержит ответ на этот вопрос – *как?*, вследствие чего Ии. перевели её употребив наречия (*многозначительно (3); высокомерно; настороженно, внимательно; важно*) или конструкции, содержащие существительное с предлогом (*с лёгким неуважением; с оттенком важности; с ощущением важности; со значением; с аурой важности; с напускной важностью; немного с нетерпением; как будто хотел сообщить что-то важное; с лёгкостью; со вздохом уважения*). Так как значение ‘выражение лица, вид’ слова *air* было незнакомо некоторым Ии., при переводе они опирались на значение того слова, которое они знают – *importance*.

Анализ литературы по проблемам идентификации и моделям доступа к неоднозначному слову в ментальном лексиконе и результаты проведённого двухэтапного эксперимента позволили нам построить модель идентификации неоднозначного слова ИЯ носителями учебного билингвизма (см. рис. 2).

В заключении подводятся итоги проведённого эксперимента, намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых изданиях

1. Беляева (Меркулова) В.М. Эффекты контекста и проблема неоднозначности // Вестник Тверского государственного университета. – Сер. «Филология». – 2013. – № 24. – Вып. 5. – С. 144–150.
2. Беляева В.М. Психолингвистические исследования проблемы разрешения лексической неоднозначности // Вестник Тверского государственного университета. – Сер. «Филология». – 2014. – № 2. – С. 167–173.

3. Беяева В.М. Свойства неоднозначности в пространстве языковой системы и ментального лексикона // Вестник Тверского государственного университета. – Сер. «Филология». – 2014. – № 4. – С. 282–287.
4. Беяева В.М. Неоднозначное слово в ментальном лексиконе билингва (разведывательный эксперимент) // Вестник Тверского государственного университета. – Сер. «Филология». – 2015. – № 2. – С. 249–253.

Другие публикации

5. Меркулова В.М. Неоднозначность как актуальная проблема наук о человеке // Слово и текст: психолингвистический подход : сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. – Вып. 12. – С. 41–47.

Рис. 2

6. Меркулова В.М. Феномен неоднозначности: природа и история изучения // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 16. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. – С. 189–195.
7. Меркулова В.М. Неоднозначное слово в ментальном лексиконе человека: модели доступа // Языковой дискурс в социальной практике: материалы Междунар. научно-практич. конф. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. – 320 с. – С. 168–171.
8. Беляева В.М. «Ложные друзья» переводчика как межъязыковой феномен // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 27. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. – С. 133–138.
9. Беляева В.М. Опыт экспериментального исследования идентификации неоднозначных слов билингвами в учебной ситуации // Языковой дискурс в социальной практике: материалы Междунар. научно-практич. конф. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. – С. 22–26.